

В подарок —
чудо!

❧ Мария Цепурина ❧

Только для девчонок

Мария Чепурина
В подарок – чудо!

«ЭКСМО»

2008

Чепурина М. Ю.

В подарок – чудо! / М. Ю. Чепурина — «Эксмо»,
2008 — (Только для девчонок)

Оказывается, с этим скучным маленьким городом связана романтическая история! Именно в Елизаветинск сбежала со своим женихом Любина прабабушка... Правда, если твоя единственная радость – семейные предания, то веселого мало. Переезд в другой город Любу огорчил, на новом месте не понравились ни школа, ни одноклассники. К тому же кто-то пустил слух, что она влюблена в Сашу Яблокова. И как только такое могло случиться? Ведь нравится-то ей совсем другой мальчик! Или все-таки нет?..

© Чепурина М. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Чепурина В подарок – чудо!

Глава 1 Неправильная школа

– Все! – Люба пнула свой школьный рюкзак.

Он отлетел на другой конец комнаты, выронив из пасти несколько карандашей, ручек, синий китайский ластик и тетрадь по истории.

– Что – все? – спросила мама с кухни.

Люба вздрогнула. Она не ожидала, что оттуда так хорошо слышно. Вообще-то ее возглас был обращен к самой себе, а не к родителям. Но раз уж...

– Все! – громко крикнула Люба, чтобы на кухне поняли всю гамму рвущих ее сердце чувств.

– Иди обедать, – сказала мама.

Люба вздохнула, посочувствовав собственной персоне: в этом глупом городишке никто не в состоянии постичь ее тонкой души. Потом выдохнула, быстренько переоделась в домашний халат, вымыла руки и приплелась на кухню.

За столом были папа и мама, на столе – суп, над столом – календарь, гласящий, что сегодня – 3 сентября, суббота. Родители благополучно отдыхали, ну а Люба, как положено в этом нелепом мире, встала в семь утра и уже отсидела пять уроков.

– Что это ты там шумела? – спросил папа, погружая ложку в тарелку с супом.

Люба сделала печальное лицо, взяла краюшку хлеба – пока ее не перехватила мама, откусила, обозначив таким образом как свою собственность, и положила рядом. А потом сказала:

– Все. Не пойду я больше в эту дурацкую школу.

Родители обеспокоенно переглянулись.

– Это почему же? – спросил папа.

– Потому.

Мама взяла ножик и отрезала с другого края от буханки, она тоже любила горбушки. Отец отложил ложку.

– Ну-с, мамзель Багрянцева, извольте сообщить нам, что вас не устраивает в сем учебном заведении? – спросил он.

– Все не устраивает! – выпалила Люба. – Тупая школа, тупой класс, учителя какие-то!.. Да и вообще весь этот городишко!.. Тьфу! Папа, ну как только тебе в голову пришло это... ну... стать военным?!

Папа, должно быть, и сам не один и не два раза задавался этим вопросом. Но виду не подал. Что толку толочь воду в ступе: а зачем, а кто виноват, а вот если бы?.. Нет, речь сейчас о другом. То, что они переехали из областного центра, где прожили семь лет, в этот маленький Елизаветинск – непреложный факт, с которым следует считаться, и горевать по этому поводу – пустое дело. Командование перевело его сюда. Точка. А вот то, что Люба не хочет ходить в школу номер один, – проблема, требующая разбора и решения.

Выслушав поднадоевшие за месяц Любины стенания насчет города, его размеров, его замшелых магазинов и неутешительных особенностей центрального водоснабжения, папа спросил:

– Ну, так чем все-таки школа провинилась?

– Дурацкая, – буркнула Люба. – Я таких школ вообще не видела! И наша, двадцать пятая, и восемнадцатая, где Катька училась, и эта... как ее... та, что напротив «Промтоваров», – все были школы как школы! А эта...

– Просто она старая, – сказал папа. – И разве это не здорово? Я был там, мне очень понравилось. Металлические лестницы с узорами, высокие потолки. Красота! Ты просто не привыкла к ней.

– Ладно, – сказала Люба. – Ладно. Допустим, что не в стенах дело. Но вот учителя-то!

– Что – учителя?

– Ты видел нашу Татьяну Яковлевну?

– Ну, видел.

– И как она тебе?

– Нормальная женщина... Полная, темноволосая, в возрасте... По мне, вполне вменяема.

– Вменяема! Ну папа! Разве можно ее сравнивать с Ариной Петровной!

Папа представил Арину Петровну, классную из старой школы, – худую, беленькую, лет двадцати семи, не больше, – и признал:

– Нельзя сравнить.

Потом зачерпнул супа и добавил:

– А она что, двойки уже ставит? Или орет на учеников?

– Пока что нет, – сказала Люба.

Но, не теряя убежденности в своей правоте, поспешила заявить:

– Ладно, шут с ней, с классной. Но народец подобрался тут, скажу я вам!

– Ну, ну, – заинтересовался папа. – Любопытно, с кем ты учишься.

И Люба стала вспоминать – с кем познакомилась – своих новых товарищей по классу.

Вообще класс был ужасный. Главным образом Багрянцеву угнетало то, что здесь она оказалась первой по списку. В той, благословенной двадцать пятой школе перед Любой шли Абрамова, Андрейчик и Аюев, а тут она была нага и незащищена пред лицом учителей, которые, как известно, любят спрашивать по алфавиту. Впрочем, про это Багрянцева решила пока что не говорить папе: довод звучал несерьезно.

Думала она пожаловаться на парней, пинавших в коридоре мячик из надутого презерватива. Постеснялась как-то выговорить это слово... Да и потом, чего уж, в старой школе и не то еще в портфелях приносили.

– Эх, пап, видел бы ты Аньку, соседку мою по парте! – начала Люба.

Анька Пархоменко в первый же день, как их посадили вместе, заявила: я, мол, неформалка. Затем достала из портфеля книжицу черного цвета и дала полистать. Там были советы по приготовлению то ли наркотиков, то ли взрывных устройств, то ли еще чего-то в этом духе. Потом неформалка все-таки призналась испуганной Любе, что по рецептам этим не готовила и в скором времени не планирует. Но книга эта – анархическая, так же как и музыка, из плеера вливаемая в проколотые в пяти местах уши Ани. Так что Багрянцевой – убогой обывательнице – не понять сложной души соседки. Они разного круга!

– Представь, папа, она вся в железяках... прямо как Кентервильское привидение!

– Ладно тебе, Люб! В той школе вроде у вас тоже были неформалы. Не Петя ли гремел цепями?

– Почему сразу Петя?! – взвилась Люба. Она почувствовала, что краснеет, как обычно, при упоминании этого имени. – Петя был не неформал, а рэпер! Понимать надо!..

– Допустим. Что с того? Ты же всегда терпимо относилась к этим... всем...

– Ну да, – сказала Люба. – Только все равно... Кто ее знает, неформалку, что у нее на уме?! А вдруг решит напакостить?

Родители задумались. Люба взяла буханку хлеба, положила на бок и отрезала себе верхушку. Потом, отдав нож маме, продолжала, чтоб ее не приняли за слишком нетерпимую и всех подозревающую личность:

– Аня – это еще ладно...

О ком бы рассказать дальше? А, о Диане! Ее лицо похоже на блин с маслом, глазки мелкие, злобные, голос писклявый, ну а повадки – вообще ужас: чуть что – бежит ябедничать Татьяне Яковлевне. Едва ли не за ручку с ней ходит. Принцесса на горошине! Впрочем... Если Люба станет сейчас жаловаться на неё родителям, сама же будет как Диана! Так не годится.

Может, рассказать про Лену Лепетюхину? Ох, эта без конца всем перемывает косточки! Маленькая, жадная, пронырливая. У самой в жизни наверняка никогда не было мальчика, но уж зато кто с кем, когда и сколько – лучше всех знает! И треплется без конца. Хотя Любе

вообще-то скрывать нечего. Да и с Ленкой этой ее никто не просит общаться. А, ну ее... Стерпим!

А вот еще есть Катька, Ленкина подруга. Это просто кошмар. Грубит всем, ржет как лошадь... Высоченная, толстая! Нынче прямо на уроке геометрии как закричит: «Лен, Лен, ты русский сделала? Дай списать!» Только что-то новое появится – ей сразу надо. Всем завидует. И без конца боится, что чего-то ей не достанется. М-да, похожа на соседку там, где они жили раньше... Мама провела бок о бок с ней семь лет...

Люба доела свою корочку, добавила к ней ложку супа и задумалась.

На самом деле настроение сегодня ей испортили другие три особы.

Выйдя из дому за хлебом – уже после школы, – Люба обнаружила на лавочке возле подъезда трех своих новых одноклассниц: Алину, Алису и Алену. Смотрелись они очень ярко. Волосы Алины, Алисы и Алены были цвета «скандинавский блондин». Одеты девушки были не то чтобы красиво, но дорого. В одежде их преобладал розовый цвет: на первой были розовые брючки, на второй – розовая кофточка, ну а третья щеголяла розовой фуражечкой, розовыми ботиночками и розовой сумочкой.

На всю компанию у них имелся один модный журнал, как раз сейчас и изучавшийся.

Пожалуй, надо было пройти мимо девчонок... Но так хотелось знать, что там, в журнале...

– Ой, Багрянцева, смотрите! – крикнула Алена. – Иди сюда, Любка!

Люба приблизилась.

– Давно хотим тебя спросить, – приняла эстафету Алина. – Ты где такую кофту отхватила?

На Любе была вязаная кофточка на молнии, с весьма милой вышивкой.

– Тут таких нет, – сказала не без гордости Багрянцева. – Я ее купила там, где жила раньше. В глазах модниц сверкнуло уважение.

– Это «Этро», – авторитетно заявила главная, Алина.

– А вот и нет, – ответила ей Люба. – Это мы с мамой на рынке купили.

Лица девушек мгновенно переменились.

– Мы-то думали...

– Да ладно вам, – сказала Люба. – Главное, что вещь хорошая.

– Ну, ну, – ехидно закивали модницы.

Алена заявила:

– Я ведь так и думала! И вам говорила! Вы посмотрите, какая у нее сумка! Любка, ты у бабушки, что ль, сумку-то стащила?

И девчонки засмеялись.

– А мне за хлебом что, с косметичкой ходить? – разозлилась Багрянцева.

Алиса раскрыла журнал на странице, где демонстрировались сумки, и показала Любе, ткнув пальцем в одну из них:

– Вот что нормальные люди носят. И мне скоро купят такую.

Возле сумки стояла цена.

– Да за такие деньги слона можно купить! – сказала Люба. – Золотая она, что ли?

– Это «Жирофле», – важно сказала Алиса.

– Кто? – переспросила Люба.

– Дед Пихто! – ответили ей.

И вновь раздался хохот.

Багрянцева хотела было поругаться, дать понять этим свистулькам, кто они есть на самом деле, но сочла, что лучше ей не опускаться до скандала. Девчонки своим видом показали, что общаться не желают. Две снова начали листать журнал, а одна, достав из сумочки цвета шоко-

лада телефончик цвета карамели и раскрыв его нежными пальчиками со сливово-мармеладным маникюром, продолжила беседу:

– А? Ну вот, короче... Я такая...

Люба ходила за хлебом, вернулась домой и вот сидела за обедом, наблюдая, как мама режет хлеб.

– В общем, – сказала она, – мне ужасно не нравится химия. В той школе не было химии.

– Люба! – засмеялся папа. – Ты же в восьмом классе! Уверю, что и в той школе...

– Да знаю. Все равно не нравится. И вообще... В той школе я всегда была в «А» классе.

А теперь что? «В»!

Папа призадумался:

– Ну а по-моему, знаешь ли, весьма неплохо. Восьмой «вэ». Две «вэ». Как двое очков. Четыре бублика.

– «Четыре бублика»! – надувшись, повторила Люба.

Но аргументы против новой школы, как она сама увидела, были ничтожны и неубедительны.

Суп остыл, корок на хлебе не осталось, разговор закончился. Люба уткнулась в тарелку и решила после еды снова загрустить. Но тут молчавшая до сих пор мама неожиданно сказала отцу:

– Слушай! Помнишь, ты рассказывал мне историю про свою бабуку? Не тот ли это город?..

– Точно!

Папа улыбнулся.

– Вот надо же, – сказал он. – Я совсем забыл. Послушай, Люба. Ты не хочешь жить в Елизаветинске, жалуешься, что нас перевели в него. А между тем твоя... м-м... двоюродная прабабушка приехала сюда по собственному желанию! И против воли родителей.

Люба повернулась к отцу.

– Как это?

– Я, собственно, мало знаю обо всем этом. Дело было давно, до революции, году, кажется, в девятьсот двенадцатом или тринадцатом. Звали ее Евлампия Андреевна Багрянцева – родная сестра твоего прадеда. Она влюбилась в некоего студента. Отец, Андрей Прокопьевич, конечно, дал отказ: нищий парень – ни кола, ни двора, ни чина, ни капитала... И вот однажды ночью Еля сбежала. Побег удался ей великолепно, судя по тому, что в доме не проснулась ни одна душа. Дед рассказывал, что утром был страшный переполох, потом поувольняли всю прислугу. Послали вдогонку людей. Да разве догонишь, полсуток прошло? Так никто больше о ней и не слышал. Разузнали только, что студента того фамилия была Рогожин. И приехал он из города Елизаветинска, куда, наверно, и увёз твою прабабушку.

– Значит, у нас здесь есть родственники? – спросила Люба радостно.

– Хм... Не исключено.

– Вот здорово! А как найти их?!

– Ну... – Мама заволновалась. – Я не думаю, чтобы Евлампия была счастлива с этим студентом. Девушки, которые так легкомысленно ведут себя... Хотя найти родню, конечно, было бы неплохо.

Глава 2

Жизнь налаживается

У Сережи Щипачева были новые, несомненно, импортные брюки, красный джемпер и модное украшение на шее из мелких деревянных шариков. Шея Сережи тоже выглядела симпатично. Сам он находился у доски и без особой радости показывал на карте моря, омывающие берега России.

Делал он это довольно долго и с переменным успехом, так что 8 «В» заскучал. Аня Пархоменко, соседка Любы, как обычно, стала рисовать в своей тетради девочек, одетых точно как она, и разные, должно быть неформальские, значки. «Сухих?! Да ты гонишь!» – вылетел из уст сплетницы Кати громкий шепот. На задней парте Ира Сухих, тихая и бледная, завертела головой. «Это не Сухих, – продолжал литься приглушенный голос Кати. – Мы должны выяснить, кто там был!» Алина быстро и усердно переписывала у кого-то ответы на домашнее задание по алгебре. Только два человека смотрели куда нужно: Оля Михеева, отличница, и Люба.

Любу карта не интересовала. Смотрела она на Сережу.

Не то чтобы влюблена была в него... Но она уже рассматривала такую возможность. Изучая вместо географии блондинистую голову Сережи (подстриженную романтично, аккуратно, не каким-нибудь там «ежиком»), Люба рассуждала, что могло бы быть, сбеге они куда-нибудь вдвоем. Мысль о побеге, разумеется, была чисто теоретической. Но приятной.

Как только прозвенел звонок, все мигом ринулись из класса, словно на пожар. Только Ирина Сухих на своей последней парте долго-долго собирала вещи...

Люба вылетела в коридор вместе со всеми. И вдруг поняла, что не знает, куда ей идти. По расписанию был иностранный язык, и класс делился на три группы. Где находится ее, французская, Люба была не в курсе. В замешательстве она стояла, омываемая морем первоклашек, и смотрела, как из кабинета географии выходит шаркающей походкой Ирина.

– Привет! Ты Люба, да? А какой ты язык изучаешь?

Услышав неожиданное обращение, Люба обернулась.

Перед ней была отличница Михеева – тихая, бледно-веснушчатая девочка с вечно смущенным, как будто извиняющимся лицом.

– Французский, – ответила Люба.

– Я тоже! Пошли!

И они пошли. Просторный коридор, большие окна, лестница с истершимися ступенями и чугунными перилами...

– Знаешь что? – сказала Люба. – Здорово, наверно, в такой школе учиться с первого класса.

– В какой – такой? – Оля пожала плечами.

– В старинной... Честно говоря, мне сначала не нравилось здесь. Непривычно. Всё такое... как сказать... важное, что ли? Вот так закроешь глаза и представляешь себе, как будто ты барышня из прошлого века! Как будто живёшь при царе... и встречаешься с бедным студентом!

– Придумаешь тоже, – сказала Оля.

На ее лице было удивление. Люба смутилась.

– Это я так, – поспешила добавить она. – Фантазирую. А скажи, в тысяча девятьсот двенадцатом году школа уже была?

Михеева и этой фразе удивилась.

– Не знаю.

– Жаль.

– Мы этого не проходили.

Кабинет французского, как выяснилось, был на первом этаже. Совсем маленький, он не имел даже доски. Шесть парт, поставленные в один ряд, два книжных шкафа, плакаты с видами Парижа, с алфавитом и таблицей глаголов, да магнитофон на подставке – весь интерьер.

Люба уселась на пятую парту вместе с Олей.

Урок был первый в этом учебном году, так что ничего особо сложного ребят сегодня не ждало. Учительница спрашивала, кто что помнит из седьмого класса. Сережа изучал английский. В отсутствие объекта интереса Люба занималась тем, что разглядывала пёстрые виды Парижа.

Если же смотреть прямо перед собой, то можно было увидеть трусы Изольды Тарасюк. Эта девица шла в ногу с модой, но на свой лад. Она носила брюки с заниженной талией и, сев, усердно выгибала спину, дабы ни у кого не возникало сомнений в том, что она уже взрослая. С теми же целями Иза курила – Багрянцева сама видела ее за этим делом вместе с Женькой Жигулиной, и манерами и видом смахивающей на пацана. Изольдины трусы были зеленые. Рядом с ней сидел толстый Макар, озабоченный тем, чтобы замочить всех монстров на четвертом уровне и накопить на новый плеер. Соседкой с ее достопримечательностями он не интересовался.

Посреди урока Любин взгляд упал на подставку под столом, где стояли магнитофон и кассеты. Люба обратила внимание, что какой-то странный, еле видимый шов окаймлял подставку. Крышка люка?

– Оля, Оля! – зашептала соседке Багрянцева, уверенная в том, что старожилка, а тем более отличница, должна знать, в чем тут дело. – Что это такое под столом? Люк, что ль?

– Что? – не поняла Михеева.

– Я говорю – люк под столом?

– Какой еще люк? А... Не знаю... Тише, вон Нина Антоновна говорит что-то.

«Вот это выдержка! – подумала Багрянцева. – Сидит весь урок – и ни слова!»

Еще повертев головой, Люба обнаружила за спиной у себя след от камина и двух модниц. Алена с Алисой под партой читали какой-то журнал и бормотали названия: «Шанель», «Герлен», «Диор» – словом, прилежно изучали французский язык. Камин же явно вырисовывался в углу, хотя он был заделан и покрашен в тон стене.

Кто знает, может быть, его топили в тот день, когда Еля тайно обвенчалась со своим студентом?

Определенно, Любе эта школа нравилась...

Домой Багрянцева с Михеевой пошли вместе.

– Забавный у вас класс, – заговорила Люба, миновав ограду школьного двора.

– Ужасный.

– Не-е-ет. Я сначала тоже думала ужасный, но теперь привыкла.

– Не знаю... Мне не очень-то по вкусу все эти компании: что Тарасюк с Жигулиной – куряки, что Лепетюхина с Ухиной – сплетницы, грубиянки, что эти финтифлюшки три...

– Если станем сейчас их ругать за глаза, то сами будем сплетницами, – заметила Люба.

Михеева согласилась:

– Ну ладно. Мы про них не будем.

Около минуты девочки шли, не зная, о чем говорить.

– А ты музыку какую слушаешь? – начала новую тему Багрянцева.

– Разную, – сказала Оля неуверенно.

– А кино смотришь какое?

– Тоже разное.

И еще с минуту обе помолчали.

«Уж больно непонятная она, – думала Люба. – Чего не любит – ясно, а что любит – поди догадайся. Что ж, зато помогла мне. Добрая, культурная. Ладно, мы же всего день общаемся! Может быть, со временем пойму, что у нее там, внутри».

Жили они, как выяснилось, в соседних подъездах.

– Ну надо же! – обрадовалась Оля. – И язык иностранный у нас один и тот же, и дом!

– Можно и в школу ходить вместе.

– Точно! – Оля смущенно улыбнулась. – Знаешь, мне кажется, ты не такая, как все.

– Ладно тебе...

– Да! Ты нормальная. Будешь со мной дружить?

– Буду.

Чья-то мама высунулась из окна и закричала: «Кирилл! Кири-и-илл!» Древняя старушка из последних сил поднялась на крыльцо, устало опустила на бетон две тяжелые сумки и стала искать ключ от подъезда. Сзади, во дворике, плакал какой-то малыш и тихонько скрипела коляска. Девчонки попрощались.

«Ну вот, – решила Люба. – Жизнь налаживается. Теперь и здесь у меня есть подруга, и не худшая».

Желтые и коричневые листья падали на землю, образуя по-осеннему красивый ковер.

Глава 3

Посылка из прошлого

Так прошла неделя. Люба прижилась в школе: дух старины все больше привлекал ее. В жизнь класса Люба тоже постепенно втягивалась. Выяснила, что, кроме зеленых, у Изольды Тарасюк есть белые трусы; что Алина – чей папа, кстати сказать, возглавляет прибыльную фирму и часто ездит в Москву, – тащится от группы «Фабрика», Алиса – от группы «Сливки», а Алена – от группы «Блестящие». Обнаружила она также – к большой своей печали, – что Серёжа, обладатель деревянных бус и милой шевелюры, подозрительно интересуется всей этой троицей. Неужели влюблён и у Любы нет шансов? Но если так – в которую? Пока что это оставалось тайной.

Только одна личность в классе оставалась по-прежнему непонятной для Любы. То была Михеева, с которой они каждый день ходили в школу и обратно, болтали на переменах и даже один раз вместе решали задачу со звездочкой по геометрии. Нет, во всем, что касалось дел школьных, Оля была просто ас. Одно слово – отличница. Но стоило лишь выйти из стен школы, как Оля делалась какой-то дурочкой. Ни про кино, ни про артистов, ни про моду, ни про популярные книжки Михеева ничего не знала. «Чем же она увлекается?» – не могла понять Люба.

Тот день, когда отношения между ними выяснились, оказался очень радостным и одновременно очень грустным.

Начнем с того, что с самого утра в классе творилось какое-то безобразие. Аня пришла в юбке наизнанку. «Ты это что? – засмеялись девчонки. – С закрытыми глазами одевалась?» Любина соседка с гордостью глянула сквозь них, тряхнула афрокосичками, перехваченными косынкой с надписью «Нирвана», и ответила: «Я неформалка! Что хочу, то и делаю!»

Потом прошел слух, что сегодня будет проверочная по истории. Все переполошились, кинулись читать учебник. Лена нашла где-то ответы на тест, который был в «А» классе. Поделилась этими ответами великая сплетница только со своей подругой Катей, да еще с испуганной Алисой, обещавшей завтра принести подборку номеров «Гламур». Счастливицы принялись переписывать ответы и на всякий случай зубрить их. «1-ж, 2-а, 3-г», – бормотали они себе под нос. «Не надо проверочной!» – завопил класс, как только прозвенел звонок и вошла учительница. «Да вы что! – удивилась та. – Я и не собиралась!»

К концу дня то ли от обиды на зряшное беспокойство, то ли от радости, что проверочной не было, то ли просто от усталости класс впал в какую-то дикость. Едва войдя в кабинет биологии – ужас, седьмой урок! – парни сразу же начали кидаться тряпками друг в друга. Желания беситься добавляло то, что биологичка, Анна Павловна, была совсем молоденькая, робкая и ничуть не страшная. Женька Жигулина вывел мелом на всю доску слово «Щетка». Так дразнили Олега Коровина за жесткие, торчащие вверх волосы. Изольда Тарасюк, изящным жестом отведя в сторону свои длинные черные пряди и с трудом присев в узких джинсах, подписала под «Щеткой» ругательство. Олег пришел из столовой, разозлился, быстро выяснил, кто его обидчицы, и с грязной тряпкой погнался за ними. Те бросились спасаться от него: Иза – на шпильках, азартно визжа, а Женя – в кедах, выкрикивая разные неприличные слова. В пылу погони Коровин запрыгал по партам и опрокинул два стола и три стула. Тут прозвенел звонок, пришла учительница и стала возмущаться всем их безобразием. Ни на кого это, конечно, не подействовало, хотя парты подняли, расселись. Через пять минут Женьке и Изольде стало скучно, и они начали проситься выйти из класса. Учительница отпустила только Изу, и та вышла, напоказ держа в руке пачку сигарет. «Обезьяна!» – крикнул ей вслед с места Коровин. Анна Павловна, разумеется, сделала ему замечание, но тот возразил: «Изольда первая!» Класс

зашумел. В довершение всего Женька Жигулина («Ох, – подумала Люба, – и почему она не родилась парнем?») подняла руку и спросила:

– Анна Павловна, а вы это... давно с этим... с которым вчера в парке были... гуляете?

Биологичка разозлилась, покраснела, пошла и привела завуча. Тут уж, конечно же, всем влетело.

После всех этих событий у Любы и Оли еще остались силы, чтоб пойти в библиотеку. Им задали по литературе прочитать две повести.

– Нам, пожалуйста, Карамзина, – сказала Люба. – Две книги.

Библиотекарша исчезла на минуту в своем книжном лабиринте и вернулась с маленьким и странным на вид томом.

– Девочки, вы поздно пришли, – сказала она. – Карамзина всего уже разобрали. Есть только вот эта книжка. Ей больше ста лет, она очень ценная. Но, думаю, тебе, Оля, ее доверить можно. Читайте. Только здесь. Домой ее уносить нельзя, это раритет.

Девочки сели за стол.

Книга была в красном кожаном переплете, с остатками золотой краски кое-где и тонкой шелковой закладочкой, когда-то кем-то оставленной на странице 128. «Н. М. Карамзинъ. Сочиненія» – значилось на обложке.

– Вот это да, Оля! Представляешь, какая она старая? Твоей бабушки еще не было, а ее, наверное, уже кто-то читал!

– Ладно тебе. Ищи, где там «Бедная Лиза». Мне сегодня еще геометрию доделывать надо.

Но Любе страшно хотелось сперва рассмотреть книгу. Такие гладкие, таинственные, пожелтевшие страницы... Даже запах необычный! На титульном листе было написано: «Товарищество Печатня С.П. Яковлева. Москва. 1906 г.»

– Смотри, смотри! – шептала Люба.

«А ведь в этом году Еле, вероятно, было столько же лет, как и мне сейчас!» – подумалось вдруг.

– Ну, давай читать! – недовольным голосом проговорила Оля. – Нам читать задали, а не год издания рассматривать.

Любу почему-то покорило от этих слов.

– Оля, ну разве не здорово рассматривать такую старую вещь?!

Михеева, как всегда, смутилась, но потом ответила:

– Старые вещи по истории проходят. А у нас литература завтра.

От таких слов рот Багрянцевой раскрылся сам собой. Пока оттуда ничего не вылетело, Оля вставила:

– Нужно делать то, что задают. А не глупостями заниматься. Вот.

Тут уж Люба не смогла скрыть возмущения:

– Глупостями?! Мы же прикасаемся к живому прошлому! Ты ведь сама, Оля, недавно говорила у доски про то, зачем нужно изучать историю!

– Отвечала. Я и изучаю. У меня по ней «пять». Между прочим, – довольно сказала Михеева, – я уже параграф прочитала тот, который нам на среду задали.

– Но разве история только в параграфах?!

– Я и доклад делала.

– Оля! Эта книга – настоящая посылка из прошлого! Ты прикасаешься к ней и уже как будто улетаешь на сто лет назад!

– Улетаешь, – буркнула Михеева. – Книга – это литература. А по литературе нам задали...

– Ну и зануда же ты, Оля! – не выдержала Багрянцева. – Правильно про тебя в классе говорят...

– Девочки, в чем дело, что за шум? – вмешалась библиотекарьша. – Вы же в читальном зале!

Люба хотела сказать «извините», но увидела, как ее подруга, надувшись, собирает вещи.

– Ты куда? – спросила она растерянно.

– Домой, вот куда! Зайду лучше к Диане, у нее возьму этого Карамзина!

– К Диане?..

– Да! Она, хоть и не обещала со мной дружить, зато гадостей всяких не говорит! И вообще... А ты сиди тут со своей «посылкой», обнимайся, картинки рассматривай!

И, провожаемая удивленно-осуждающими взорами, Михеева ушла, хлопнув ничем не провинившейся библиотечной дверью.

«Ну вот!» – подумала Багрянцева. Оля обиделась на нее, но Люба тоже была неприятно удивлена. Неужто Ольге действительно ни капельки не интересно посмотреть старую книгу? Ладно бы Женька Жигулина... Когда на той неделе, в пятницу, их повели в музей, курильщица и хулиганка, вволю назевавшись, пока экскурсовод рассказывал о старинных платьях, вдруг поинтересовалась: «А трусы под юбку в этом самом... веке... надевали?» Тут, конечно, все расхохотались, особенно парни. Экскурсовод, наверно, дал себе зарок не иметь дела с восьмиклассниками. Но Михеева! Она ведь так прилежно, деловито изучала все, что выставлено в витринах!

В голове Любы зачем-то завертелись слова песенки: «Тили-тили, трали-вали! Это мы не проходили, это нам не задавали!» Получается, что Оле интересно только то, что задают в школе, за что можно получить оценку.

От этих рассуждений Любе сделалось совсем скучно. Наслаждаться запахом старых страниц расхотелось. «Ну ее, эту книгу! Весь день она мне испортила. Сейчас прочту быстренько то, что надо, и отчаливаю. Так... Где тут содержание?» Люба глянула в конец. Нет. В начало – тоже нет. «Что ж это такое? Книга без содержания?» – раздраженно спросила она про себя и принялась нервно листать раритет.

Потом случайно раскрыла форзац и увидела...

На двух скрепленных знаменах лежала раскрытая книга. На ее страницах были буквы: «Р» и «О», перечеркнутая горизонтальной чертой. Сверху, из-за книги, между флагами выглядывало острие штыка. Внизу же, там, где неведомый художник изобразил два древка и едва различимый приклад, лежало что-то наподобие мяча, какой-то шарик. Но нет, не эта странная картинка заставила Любу раскрыть рот от удивления и восторга! Возле мяча, синим цветом, как и весь оттиск, была выполнена надпись: «Изъ книгъ И. П. Рогожина».

Рогожин! Сколько раз эту фамилию Багрянцева произносила вслух и про себя в течение последних дней! (Даже чаще, чем фамилию Сережи, так бездарно взявшего курс на Алину и ее подруг). Именно Рогожинскими должны логично зваться ее родственники, которых так хотелось бы найти здесь. И вот... А что, если эта книга того самого студента, в которого влюбилась Евлампия?

Конечно, рассчитывать на это вряд ли стоило. А если, к примеру, эта книга его брата, отца, дяди? Но как же книга оказалась здесь, в школьной библиотеке?

– Даже не знаю, – ответила библиотекарьша на вопрос Любы. Видно, раньше ей не попадались столь интересующиеся персоны. – Может, подарил кто-нибудь. Или с тех, царских времен осталась: школа-то ведь старая. А кто такой Рогожин – не знаю...

На другой день по литературе спрашивали не особенно строго. Вызвали Алену.

– Бедная Лиза была девушка, – начала она рассказ. – И потом как бы влюбилась...

Люба снова вспомнила свою прабабушку. Можно сказать, похожие истории. Только хотелось верить, что у Евлампии все кончилось не так печально, как у Лизы...

Родители заинтересовались тем, что Люба обнаружила в книге. Правда, они совсем не верили в то, что это окажется тот самый Рогожин. Мама предположила, что это, вероятно, ложный след: вдруг Люба увлечется, а потом горько разочаруется? Но Багрянцева твердо решила приняться за поиски.

– ...и как бы утопилась, – завершила Алена.

После урока Люба пошла в школьный музей.

Да, в 1-й елизаветинской школе имелся собственный музей. В этом, в общем-то, не было ничего необычного: в 25-й, там, где Люба обучалась раньше, музей тоже был. Он посвящался Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Там хранились письма с фронта, старая солдатская форма, фотографии, муляж пушки... Экспонатов насчитывалось мало, состояние их оставляло желать лучшего... Здесь же все было гораздо интереснее. Музей 1-й школы посвящался ей самой, ее истории. Со стен смотрели фотографии гимназистов в строгой форме с фуражками; под стеклом лежали пожелтевшие журналы с оценками по закону Божию и латыни, перья, чернильницы, песочницы для посыпания непросохших чернил...

Впрочем, посетители в этом музее бывали редко. Заведующая музеем – Инга Альбертовна, дородная, не молодая, но и не старая еще женщина, с вечной улыбкой и приятными восточными чертами, – держала его почти всегда закрытым. Она давно свыклась с тем, что в музее бывают лишь гости из РОНО да иногда родители будущих первоклашек.

Люба уже в третий раз пыталась попасть в музей: первый раз – еще вчера сразу после прочтения книги, второй – сегодня утром. На ее стук никто не отзывался. «Наверно, опять пусто», – с грустью подумала она.

В этот момент за дверью послышались шаги и на пороге появилась Инга Альбертовна.

– Я... музей посмотреть, – смущенно сказала Люба.

– Посмотреть? А, ты, наверно, новенькая? Конечно же, конечно, заходи! Ох, как давно ребята тут не появлялись...

Багрянцева вошла вслед за хранительницей, обрадованной и удивленной. Она смотрела на лица старых гимназистов, их тетради, их письменные принадлежности, их костюмы и даже их – точнее уж, их учителей – орудия «воспитания» в виде розог. Музей был очень здорово отделан: и стены, и пол обиты темным материалом, создающим таинственную обстановку, чтобы посетитель сразу улетел мыслями на сто лет назад. Посередине комнаты стол с несколькими стульями и скатертью под цвет интерьера. Кипа бумаг на нем намекала на то, что Инга Альбертовна только что занималась изучением каких-то документов.

...С полчаса, наверно, Люба разглядывала то, что лежало в витринах. Потом подошла к заведующей.

– Ну, как? – спросила весело хранительница, сидевшая за своим столом.

– Здорово. А можно я вам, Инга Альбертовна, вопрос задать, касающийся истории школы?

– Что ж... Отвечу, если смогу.

– Как в библиотеке оказалась книга некоего Рогожина? И кто это вообще такой был?

Инга Альбертовна крепко призадумалась.

– Ну и вопрос! Я, честно, ожидала что-нибудь попроще! А зачем тебе?

Люба кратко сказала, что это, возможно, ее родственник.

– Что ж, интересно. Знаешь, мне кажется, я встречала где-то в наших архивах такую фамилию. Давай так: приходи через неделю. Если я найду что-нибудь про него, то скажу тебе.

Глава 4

Поиски себя

– Не подходит.

– Люба! Это уже пятая куртка, которую ты примеряешь! Чем она тебе не нравится?

– Не нравится – и все.

– Да вы, девушка, в зеркало на себя посмотрите! Таких курток, как у меня, здесь ни у кого нет, точно говорю. Сама позавчера партию привезла!

Багрянцева стояла посредине рыночной палатки в ярко-рыжей куртке с капюшоном и отстёгивающейся (продавщица уже седьмой раз повторяла этот факт) подкладкой. По рынку сновали люди в поисках зимней одежды, пластмассовых тазов, резиновых перчаток, дешёвых помад, китайских игрушек, кроссовок с лейблом «Адидас» и прочих нужных для земного бытия вещей. Тут же парни с криком «Посторонись!» катили тележки с разным грузом и передвижные вешалки. То у той, то у другой палатки появлялись женщины, предлагающие пирожки с картошкой.

У Любы было преплохое настроение.

– Посмотри же! – убеждала ее мама. – Ведь это замечательная куртка!

– Вот именно, – вторила торговка. – Тем более по такой цене, как у меня...

– Я не хочу, – сказала Люба.

Она сняла куртку и вместе с родителями вышла из палатки.

– Ну, может, объяснишь, в чем дело? – спросил папа. – Эдак мы ничего не купим, и тебе до декабря придется ходить в летней одежде.

«Попытаться или нет объяснить им? Эх, ладно, попробую!» – решила Люба.

– В таких у нас никто не ходит, понимаете?

Ну, это было, конечно, сильно сказано – никто. В подобной куртке, годившейся, на взгляд Любы, только для сельскохозяйственных работ – в комплект к резиновым сапогам, – вполне могла явиться замарашка вроде Иры Сухих. Ну, может, еще Аня Пархоменко: им, неформалам, чем хуже вырядиться, тем лучше. Если бы Люба донашивала подобную вещицу, скажем, с прошлого года – ну, допустим, денег не было на новую, – тогда ладно. Но покупать сейчас! Когда Алиса носит белую пушистенькую курточку, нежную, как котенок, и совсем не жаркую! Когда у Алены – розовая, вся в стразах, а у третьей подружки – восхитительная кремовая, схожая на ощупь с шелком куртка!

Если Люба явится в школу в этой турецкой ерунде, ее тут же поднимут на смех. Тогда уж про Сережу точно можно позабыть! Ведь как порой ни глупо смотрелись три модницы, как ни коряво они выражались, как ни хватали тройки пачками – именно одной из них, Алисе, Щипачев в анкете на вопрос «С кем ты хочешь дружить?» написал ответ: «С тобой».

– Ну и что, что никто не носит. Будешь первая. Люба, это ведь так здорово – отличаться от других! – сказал папа.

Багрянцева не раз думала на эту тему. Вот, все говорят – отличайся от других! Отовсюду слышно: быть личностью, быть не как все, быть особенным – это хорошо! Только что-то не видно, чтоб сильно любили тех, кто в самом деле отличается. Все норовят сбиться в кучу, в компанию. Ясное дело – так веселее, да и защититься можно, если кто обидит! Вот, например, Тарасюк и Жигулина. Вместе курят, вместе двойки получают, вместе в парней тряпками кидаются, плохие слова на стенках пишут и всякие гадости болтают. Или Ленка Лепетюхина и Катька Ухина – их водой не разлить! На каждой перемене обсуждают, кто в кого влюбился и где что купить можно. Пару раз Люба уже слышала, как они шептались про нее: мол, странная какая, по музеям ходит, книжки изучает, губы ни разу не красила, и телефон у нее с простым

дисплеем, черно-белым. Багрянцевой было плевать, с каким дисплеем телефон, лишь бы он звонил... но ведь обидно слышать все это и чувствовать, что тебя считают хуже других!

С Олей они раздружились. Хотя Люба попросила прощения за то, что назвала Михееву занудой, и та сказала, что прощает. Но отличница разочаровывала. Она без конца всего боялась: того, что не успеет выучить уроки, того, что получит «четыре», того, что ее спросят, того, что ее не спросят... Увлечений у Оли так и не нашлось. Она считала, что увлекаться не следует, а следует учиться.

Так что у всех была компания, даже у этой самой Оли, снова начавшей ходить вместе с подлизой Дианой – верно, сошлись на том, что обе на хорошем счету у педагогов. Аня Пархоменко гуляла с неформалами из девятых классов и других школ. Да и обществом Жигулиной она время от времени не брезговала. «Женька тоже неформалка, только скрытая, – сказала она Любе. – Своим хулиганством она как бы сражается с буржуазными условностями».

В классе была только одна девочка, на самом деле отличавшаяся ото всех. Она не следовала моде, не имела хороших вещей, не разносила сплетен, не красилась, даже, наверное, не умывалась. Ира Сухих. Все уроки, все перемены она одиноко просиживала на задней парте, наедине со своими прыщами и мыслями. Ну, если они, эти мысли, были. Говорила она еле слышно, училась на тройки. Мальчики ее не задирали. Даже классная, Татьяна Яковлевна, порой забывала, что у нее учится эта девочка.

Так вот, Люба не хотела быть такой!

Уж лучше быть розово-карамельной девочкой, чем прозябать всю жизнь с такой вот «индивидуальностью» вдали от внимания парней!

Так что Багрянцева сказала:

– Я хочу кремовую куртку с мехом, со стразами, с вышивкой.

– Как у «трех А»? – догадалась мама. – Я как-то их встретила на улице. Послушала, как они говорят. Это не очень вежливо, но, по-моему, они... жуткие дурочки!

– Дурочки не дурочки, а парней заставили за собой бегать! – парировала Люба. – А вот умная Михеева одна ходит.

Папа хмыкнул. Наверно, не знал, что ответить.

– Но ведь у них богатые родители. Ты, Люб, отлично понимаешь, что у нас нет средств выписывать тебе наряды от Диора.

В этот раз уже Люба не нашла что возразить.

Они шли по рынку, поглядывали по сторонам и так и не могли найти общего решения. Куртки казались то слишком скучными, то сшитыми из чересчур грубой ткани, то по моде пятилетней давности. Между тем настоящая осень с ее холодами, дождем и слякотью уже напоминала о себе. Носить старье у Любы не было желания. В универмаге продавали, в общем, то же, что и на рынке. А модных бутиков в Елизаветинске все равно не водилось. Так что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.